

Сергей Кузичкин

Из цикла рассказов «Восхищение одержимых»

Истории из семидесятых годов XX века

— *Какое чудесное утро, — воскликнул я. — И какой райский аромат!*
— *Да, — кивнул головой Чудак. — Жаль только, что я ботинки промочил росой.*

Аркадий Аверченко. Чудак. 1912

Фея в предновогодний день

— Мужики, подъём! — прозвучала команда, поданная хорошо тренированным голосом дяди Пети, и Эдька сразу вспомнил о том, что дядька почти тридцать лет служил армейским старшиной.

Эдька открыл глаза. Впрочем, он не спал уже добрых полчаса, слушая шипение сковороды и вдыхая аромат жареного лука, доносящийся из кухни. Рядом, спрятавшись с головой под одеяло, неподвижно лежал Алька.

— А! Один есть! — радостно воскликнул дядя Петя, увидев, что Эдька продрал глаза. — Вставай, вставай, Эдуард, пора. На поезд опоздать можем. И давай толкни этого охламона.

Дядя Петя стоял посреди комнаты в унтах, в выходном костюме, надетом поверх свитера с глухим воротником, и в собольей шапке.

— Алик, соскакивай давай, хорош дрыхнуть, — толкнул брата Эдька.

Алька что-то промычал вначале, а потом спросил:

— А опохмелиться есть?

— Ишо чего! Может, вам, сударь, и холанскую королеву в постель подать, а? — дядя Петя развёл руками и, поджав губы, слегка присел. — Я ж вам ещё вчера говорил: оставьте, ребята, хоть по двадцать капель на похмелку. Нет же, вам всю водку в глотку залить нужно было, до победной. Напиться, и шоб рогами в землю — плюх! Я у Эдьки вчера на силу гитару вырвал, думал, так струны и порвёт... Ну вставайте, вставайте! Чайку хлебнёте горяченького — полегчает, а в город приедем, там и опохмелимся.

Эдька, переборов себя, поднялся. Натянул брюки и следом за дядей Петей прошёл на кухню. Когда перешагивал через порог, его здорово качнуло, в голове затрещало и будто что-то раскололось. Налив холодной воды в умывальник, Эдька

помочил лицо, утёрся полотенцем, пальцами навёл причёску у зеркала, накинул пиджак и, вернувшись в комнату, сел на диван.

Алька продолжал лежать, укрывшись с головой одеялом. Из кухни выглянул дядя Петя.

— Чё, лежит ещё этот? Щас я его...

Он снова исчез, и Эдька услышал, как хлопнула входная дверь.

— Ну хватит, Алик, вставай. На самом деле опоздаем, — сказал брату Эдька и, поднявшись, включил телевизор.

Алька не отозвался и не подавал признаков жизни.

«Доброе утро, дорогие товарищи, — послышалось с засветившегося голубого экрана, и на Эдьку посмотрела миловидная теледикторша, которую он видел впервые. — Сегодня тридцать первое декабря, суббота, последний день уходящего года».

Из кухни вновь послышалось хлопанье двери, и в комнату вприпрыжку и на цыпочках вбежал дядя Петя. В одной руке он держал пустую обледеневшую, чуть в снегу, бутылку. Резко скинув с Альки одеяло, он дном бутылки коснулся обнажённого Алькиного плеча. Алька подпрыгнул чуть ли не до потолка.

— Ты... ты... Ты что, отец? Совсем, что ли, рехнулся под старость?

Эдька улыбнулся, а дядя Петя громко и весело рассмеялся, обхватив голову двумя руками.

За стол сели без особого энтузиазма. Эдька пару раз ткнул вилкой яичницу, но ни жевать, ни глотать не мог. Еда казалась невкусной и пересоленной. Алька сразу было взялся за чай, но, сделал глоток, отставил кружку в сторону.

— Да-а... Вижу, без допинга здесь дело действительно не пойдёт, — покачал головой дядя Петя.

Алька с надеждой и умоляюще посмотрел ему в глаза:

— Похмели, батя...

— А ну отодвинь стул, — дядя Петя оттеснил Альку и, приоткрыв дверцу кухонного стола, достал вначале три гранёных рюмочки, а затем початую бутылку водки.

— Это я от вас, басурманов, вчера ещё припрятал и рюмашечкой немного полечился с утра,— он молодецки подмигнул Эдке.

— Изверг ты наш, батя,— проговорил повеселевший Алька.— И мучитель, и спаситель. И чё бы мы без тибидедали-то, а?!

— Передохли бы, как мухи зимой, и всё дело...

Трясущейся рукой, слегка морщась от водочного запаха, Алька разлил «живительную» влагу по рюмкам.

— Итак, ребята, с наступающим вас,— взяв в одну руку наполненную до краёв рюмашку, а другой подцепив на вилку солёный огурчик, произнёс короткий гост дядя Петя.

Он, по старой привычке, делал всё это на ходу, стоя между сидевших парней.

— А что, батя, Новый год наступает разве? — прикинулся протачком Алька.

— Нет, синьор, хрестины у папы римского. Так вот, дорогие мои мужики, сегодня тридцать первое декабря, суббота, и так совпало, что именно в субботу перед Новым годом женился ваш покорный слуга.

— Поздравляю тебя, отец,— тяжело выдохнул Алька,— только прошу тебя: давай короче, а?..

— Можно, сынок, и покороче,— с грустью произнёс дядя Петя.— Просто я хочу сказать, что страшно подумать, сколько ж это лет назад-то было... Тебе уж за тридцать... А, ладно! Поехали, что ли?

Минут за пять после последнего причастия участники утреннего застолья уничтожили все лежащие перед ними на тарелочке огурцы и выскребли со сковороды остатки яичницы.

Эдка с Алькой уже стояли наготове. Один держал под мышкой гитару, другой крутил в руках навесной замок.

— Пойдём, он догонит,— сказал Эдке вспотевший Алька.— Догонишь, пап?

— Идите, идите, догоню,— отозвался старик.— Я ещё Волчка покормлю.

Когда сын с племянником вышли, дядя Петя надел шубу и шапку и ещё раз осмотрелся: всё ли в порядке? Убедившись, что всё, вылил остатки вчерашнего супа в банку из-под сельди «Иваси», служившую Волчку тарелкой, замкнул избу, наклонившись, поставил еду собаке, поцеловал её в лоб. Та лизнула хозяина по щеке.

— Ну, до завтра, Волчок, до завтра,— он погладил пса и, поднявшись, направился к калитке.

Выйдя за ограду, ещё раз посмотрел на утешающую голод собаку.

— А может, и до послезавтра. Не скучай, Волчок.

Он догнал парней уже у железнодорожного полотна.

— Чё это вы разогнались так? С утра чуть шевелились, а теперь как на крыльях летите...

— Глаза что-то слепит от снега. Так блестит, язви его,— выразил недовольство Алька.

— А ты бы очки тёмные надел и шёл как геолог,— посоветовал дядя Петя.

— Как альпинист,— поправил Алька.

— Ну как альпинист! Какая разница? Всё одно— по горам лазают. Ишь, грамотей!..— обиделся дядя Петя.

Ещё издали Алька заметил, что ставни железнодорожного магазина открыты, и, ткнув Эдку в бок, обратился к отцу:

— Слушай, батя, ты давай за билетами, а мы шас...

— Куда?— насторожился дядя Петя.

— В «железку». Что-нибудь прихватим.

— Не к спеху, в городе возьмём. Поезд скоро.

— Мы мигом. А то в городе, может, магазины закрыты будут— на бобах останемся,— сделал предположение Алька.

— Это с чего-то они вдруг будут закрыты?— не сдался дядя Петя.

— Ну, мало ли...— Алька потянул Эдку за рукав.— Пошли...

В магазине было жарко натоплено. Круглая, оббитая железом, высокая, до потолка, печь весело потрескивала горящими дровами. Кроме круглощёкой продавщицы, сидевшей за прилавком, в магазине грелись у печи незнакомая женщина и девочка лет пяти.

— С наступающим, Тимофеевна!— прямо с порога пробасил Алька, приветствуя продавца.— Дай чего-нибудь горячительного, душу согревающего.

— И вас, соколики, с праздничком!— откликнулась продавщица.— Но водка у нас с одиннадцати.

— А кроме её, горькой, что есть?— задал вопрос Алька, переваливаясь через прилавок.

— А кроме водки— коньяк,— улыбнулась продавщица,— по шестнадцать рэ.

— Ну, это чересчур крепко для нас.

— Тогда «Яблочное», за рубль шестьдесят.

— А это слабовато,— Алька подмигнул продавщице.— Что-нибудь среднее между ними имеется?

Тимофеевна, покосившись на женщину, проговорила вполголоса:

— Портвейн— пять руб— две штучки.

— Годится,— согласился Алька.

Он сунул продавцу пятёрку, принял от неё бутылки и утопил их в карманах шубы.

К станции подошли в то время, когда диктор делал объявление о том, что пассажирский поезд прибывает на третий путь и стоит всего две минуты. Едва на восточном горизонте показался электровоз, как из здания вокзала высыпало человек пятнадцать во главе с дядей Петей и соседом—стариком Михеичем.

— Здорово, Михеич, с наступающим,— поздоровался Алька.

— Привет, привет, ребята! С наступающим!— Михеич был уже под хмельком.

— Вот, к племяннику в город собрались, — объяснил дядя Петя, кивнув на Эдьку, — Новый год встречать.

— А ты, Михеич, к Лёхе, небось? — спросил Алька. — К нему. К сыну. Куда же ещё? — закивал головой старик.

— Ну, скучно будет — прибегай к нам, — предложил Алька. — У нас с Эдькой две невесты намечаются, да деду Пете соседку-бабку пригласим. Будет с ней вальс «Белый танец» танцевать... Ха-ха... Ну и тебе подружку отыщем. Так что забегай...

— «Белый танец» — вроде бы танго дамское, — сказал Эдька, но Алька возразил:

— Вальс. Точно говорю.

— Ну и баламут ты, Альберт Баткович, — улыбнулся, чуть крякнув, Михеич. — Женился бы, что ли, поскорей!

— Ай, дед, некогда всё. Времени не хватает.

От прибывающего поезда потянуло холодком, слегка обдало снегом. Они немного просчитались в выборе места: напротив них остановился вагон под номером три.

— Давайте вперёд, у нас второй, — потянул было их дядя Петя.

— Да брось ты, батя, — остановил его Алька. — Какая разница? Небось, тоже общий вагон. Тут ехать-то три остановки.

А из открывшейся вагонной двери уже один за другим вываливались члены развесёлой компании. Среди них были невеста в фате и пальто, из-под которого торчал подол белого свадебного платья, и жених, без шапки и в накинутой на плечи шубе. Последним спрыгнул на платформу бригадир монтеров железнодорожного пути Еремей Платонович с бутылкой шампанского.

— А-а-а! Петруха! Друг старый! Михеич! Алька! Все собрались, — обрадовался бригадир. — Сейчас все идём ко мне. Ко мне! У меня свадьба сегодня. Последний сын, Витька, женится. Сейчас в сельсовет, расписываемся — и ко мне!

Он обнимал всех поочерёдно и прицеливался, норовя поцеловать.

— Ты извини, Еремей, но нам в город надо, — отбиваясь от настойчивого поцелуя, сказал дядя Петя. — Какой может быть город, когда свадьба? Никакого города, — продолжал наступать Еремей Платонович. — Все ко мне, на свадьбу!

— Нет, нет, Еремей, не могу я. Обещался к племяннику приехать. Я к тебе завтра лучше зайду... — дядя Петя продолжал вырываться из объятий бригадира.

— Нет, дорогой друг Петруха, завтра утром мы укатим на электричке к свату, свадьбу продолжать.

— Ну, тада в понедельник...

— Обижусь, серьёзно обижусь, Петруха.

— Как знаешь, Еремей. Но я в город сегодня с молодёжью поеду, — наконец освободившись из тисков бригадира, заключил дядя Петя.

В вагон забрались уже на ходу. Алька пропустил вперёд стариков и Эдьку, последним запрыгнул на подножку.

— Петруха, чтоб в понедельник без обману! — басил вслед Еремей Платонович.

Вагон оказался полупустым. Всею компанией они подсели к двоим, лет под сорок, мужчинам, игравшим в миниатюрное домино. На верхней полке лежал ещё один человек в унтах.

— Парни, это общий вагон? — спросил играющих дядя Петя.

— Общий, общий, садись, батя, — приглашая, заверили те.

— Ну и ладно, — дядя Петя присел рядом и сразу предложил: — А что, может, партейку в «козла» забьём?

— Давай! — согласились мужики.

— Садись, Михеич, на пару будем с тобой, — пригласил друга дядя Петя.

— Ну уж уволь, Петро, — замотал головой Михеич, — больно маленькие косточки-то. Я ничего не увижу в них...

— Давай, батя, я, — предложил свою кандидатуру Алька.

— А! С тебя-то игрок. Позору только на фамилию. Как сядем на пару, так из «козлов» не вылезаем...

— Да ладно, батя...

— Чё ладно-то? Садись давай...

Едва расселись как положено и приготовились играть, подошла проводница.

— Так, товарищи пассажиры, приготовили билеты...

Эдька подал проездной документ первым. Проводница долго крутила билет в руках, посмотрела его на свет, наконец, возвратив, сказала:

— А ну давай во второй вагон.

— Тётенька! — соскочил было со своего места Алька, но, ударившись головой о верхнюю полку, поморщился от боли и снова присел. — Там же народу полно. А нам-то две остановки проехать... Двадцать километров всего.

Проводница улыбнулась:

— У вас у всех билеты во второй вагон?

— Ага, — кивнул Михеич, сидевший напротив Эдьки.

— Ну ладно. Только не шумите здесь и посмотрите, жив ли этот, на верхней полке. Ещё вчера как забрался туда чуть тёплый, так больше и не вставал...

— Эй, мужик, — позвал Алька, — унты украли!

С верхней полки послышался сначала шорох, затем кряхтенье, и, наконец, слегка хрипловатый голос произнёс:

— Не шути так, паря. Их можно украсть только вместе со мной.

— Живой, — сделал заключение Алька.

Едва проводница ушла, дядя Петя кивнул Альке:

— Ну, доставай.

— Чего? — не понял тот.

— Ну чё взяли.

— Стакана нет,— сказал Алька, вынув бутылку портвейна.

Сидевший рядом мужчина молча нагнулся, раскрыл стоявшую под столиком сумку и достал стакан. Затем, немного поразмыслив, вытащил банку скумбрии, ложку и нож. Видя такое дело, Михеич покопался в своём портфеле и выложил на столик полпалки домашней колбасы.

Пока Алька наполнял стакан, сосед дяди Пети, ловко орудуя ножом, раскрыл консервы и разрезал колбасу на пластики.

— Начинай,— предложил Алька соседу.

Тот не заставил себя ждать. Выпив, занюхал колбасой. Дело быстро двинулось по кругу. Когда очередь дошла до Михеича, Алька вынул вторую бутылку, и у Михеича засветились глаза. Последним пил Эдька. Когда он опростал стакан, Алька снова наполнил тару до краёв и, поднявшись, толкнул обладателя собачьих унтов:

— Слышь, как тебя? Опохмелись малость — легче будет.

Лежавший повернулся.

— Ты думаешь? — спросил он.

— Конечно. Даже уверен. Ты бы это... Слез, что ли... А то как космонавт...

— Да какой, к дьяволу, космонавт?... Башка как чугунная...

Он, чуть оторвав голову от полки, уничтожил содержимое стакана, от колбасы отказался и, снова повернувшись лицом к стене, попросил:

— К городу подъезжать будем — толкните, ладно?

— Да скоро уж и город. Собираться пора, — подал голос Михеич.

— Успею. Мне особо собираться нечего — весь гардероб на мне.

— Слышь, Никола, пить так пить. Доставай «противотанковую», — сказал своему напарнику сосед дяди Пети.

Напарник, снова нагнувшись под стол, запустил руку в сумку, извлёк оттуда большую бутылку вермута и предложил Альке банковать.

Но едва Алька взял в руки бутылку, как совершенно неожиданно кто-то вдруг спросил:

— Извините, у вас ножичка не найдётся?

Все члены новоиспечённой компании как один повернулись на голос. Даже человек со второй полки поднял голову.

В проходе стояла *девушка*.

И какая!

Ничего подобного Эдька в своей жизни не видел. В горле перехватило дыхание. Он, не веривший в сказочных красавиц и деливший всех женщин на симпатичных и не очень, сидел не дыша, очарованный, боясь пошевелиться.

Да, это была она! Красавица! Фея! Сказочная добрая фея из книжки «Волшебник Изумрудного города», которую Эдька так любил в детстве.

Из-под вязаной белой шапочки девушки через плечо на грудь спадала длинная коса. И эта коса, и вязаная шапочка, и разруганные щёки на белом лице, и белый шарф, и белый крупной вязки свитер с красными цветами — всё, всё приятно в ней сочеталось и дополняло друг друга. Расторопнее всех оказался Алька. Он первым вышел из массового опенения и вмиг оказался возле девушки. — Пожалуйста, — протянул он ей на ладони складной ножик.

— Спасибо, — девушка осторожно взяла складничок, улыбнулась и, повернувшись, пошла.

«Тук, тук, тук» — застучали острые каблочки её модных сапог.

Алька проводил её взглядом и ткнул Эдьку в плечо:

— Во... За стенкой сидит... Одна. Не теряйся...

— Учительница, наверное, — высказал своё предположение дядя Петя. — Видишь, какая культурная... — и тут же недовольно прикрикнул на Альку: — Ну а ты чё стоишь? Забыл обязанности?

Алька снова взялся за бутылку, но и на этот раз открыть её ему не удалось. Вагон трянуло. Да так сильно трянуло, что Алька не устоял на ногах, налетел на Эдьку, а тот, в свою очередь, ударился о стенку головой. Дядю Петю на пару с соседом по инерции качнуло в сторону стола. Но больше всех досталось пассажиру в унтах. Он упал с полки. Со всего маху ударив рукой по столу, загремел на пол, увлекая за собой рассыпанное по столу домино, пустую бутылку, несколько пластиков колбасы и раскрытую банку скумбрии, к которой так никто и не притронулся. С минуту все молчали, глядя, как упавший поднимается, корчится от боли и потирает ушибленную руку. Но неожиданно лицо пострадавшего вытянулось в улыбку, и он засмеялся. Вслед за ним пришёл в себя Михеич.

— Ну прямо «Хроника пикирующего бомбардировщика», — вспомнив название фильма, проговорил он и тоже засмеялся.

— А говоришь — не космонавт, — подключился к ним Алька.

Потом зашёл в хохоте дядя Петя, а через минуту после падения пассажира в унтах вся компания случайных и неслучайных пассажиров буквально умирала со смеху. А ещё через пару минут, когда всё упавшее было дружно собрано со стола, Алька наконец-то раскрыл бутылку и, прикинув на шестерых, начал разливать. Стакан снова бойко пошёл по кругу.

— Однако, стоим, — заметил сосед дяди Пети, когда с распитием было покончено.

— Тише едем — дальше будем, — ответил ему дядя Петя, — Ну а партейку-то хоть сыграем?

Игроки не заставили себя долго ждать, разобрали домино, и Алька зашёл с «один-один».

— И-эх, хорошо-то как! — проговорил он блаженно. — А ты, батя, возражал.

— Да не возражал я,— начал было оправдываться дядя Петя, но, очевидно вспомнив, что он всё же отец, перешёл на строгий тон:— Ставь давай домино быстрее, а то, небось, уснул.

Эдька сел на самый край, подальше от играющих, и начал перебирать струны гитары. Вагон качнуло, и он медленно поплыл, но этого, казалось, никто не заметил.

— Вот-вот, спой-ка лучше, Эдуард, что-нибудь этакое,— попросил дядя Петя.— А то молчишь всё сегодня.

Эдька пересел на свободное боковое место, настроился и уже было с силой собрался ударить по струнам, как вдруг...

Он снова увидел её.

Она сидела у окна за столиком в соседней плац-карте и намазывала на хлеб баклажанную икру. Поймав на себе его взгляд, она смущённо улыбнулась и отвернулась к окну.

Эдька ударил по струнам и, подражая Высоцкому, запел:

Идёт охота на волков,
Идёт охота-а—
На серых хищников,
Матёрых и щенков.
Кричат загонщики,
И лают псы до рвоты,
Кровь на снегу—
И пятна красные флажков!

— Идёт охота на волков, идёт охота-а!— не переставая следить за игрой, подхватили дядя Петя с Алькой.

— Тада-тада, тада-тада, тада-тада, тада-тада-та!— размахивая руками, бросился им на подмогу человек в унтах, «приземлившийся» напротив Альки, оживший после похмелья и теперь уже совсем не похожий на пострадавшего.

— Обложили меня, обложили!..— через некоторое время орала в шесть глоток быстро спевшаяся компания, включая задремавшего было Михеича.

Эдька снял шапку, вытер со лба пробивший его пот и мельком бросил взгляд на девушку. Она, улыбаясь, смотрела на него. Эдька улыбнулся в ответ, затем поднялся и, слегка покачиваясь, подошёл к ней, подсел рядом.

— Спасибо за ножичек,— поблагодарила девушка,— очень выручили.

— А, ерунда. Не за что,— сказал Эдька, пряча складничок в карман.— А вы далеко путь держите?

— Далековато. Ещё почти целые сутки езды.

— И в общем вагоне?!

— В другие билетов не было. Предновогодье.

— А если самолётом?

— Самолётами я не летаю. Плохо переносу. Ещё есть вопросы?

— Нет,— Эдька улыбнулся.

— Весёлая у вас компания,— сказала девушка.— Песни поёте...

— Поём, а чё нам?— согласился Эдька.— Только бы проводница не заругалась. А вообще-то я больше народного плана песни люблю,— объяснил он,— такие вот, например...

Эдька снова взял гитару поудобнее, напел:

Живёт моя отрада
В высоком терему,
А в терем тот высокий
Нет хода никому...

— Или вот, знаете, наверное, романс:

Умру ли я— ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда!

— Ну зачем уж так мрачно?— сказала она.— Гитара, я вижу, у вас хорошая. Можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Девушка взяла гитару, устроила её поудобнее и осторожно перебрала струны.

— Вы знаете, мне одна песня Новеллы Матвеевой нравится... Слова, правда, не все помню, но попробую напеть по памяти. Если навру— строго не судите, ладно?

— Строго не буду,— согласился Эдька.

Она ясно-ясно улыбнулась. В глазах засверкали живые искринки.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...—

запела она приятным нежным голосом, и Эдьке показалось, что слова, словно живые, как птицы, вырвавшиеся наружу из клетки, повисают в воздухе и, радуясь своему освобождению, наполняют звуками мир.

Если кукла выйдет плохо,
Назову её «бедняжка»,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его «бедняк».

Облокотившись на перегородку, Эдька слушал, как поёт девушка, и чувствовал, как какое-то тёплое чувство будоражит его душу и ему становится так хорошо-хорошо...

Он не сразу обратил внимание на то, что игроки в домино притихли— тоже, очевидно, очарованные пением. Вскоре, однако, в проходе показался Алька, вернее, его лицо из-за перегородки, которое сразу же вытянулось в удивлении, а затем исчезло.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...—

продолжала девушка.

Если кукла выйдет плохо,
Назову её «дурёха»,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его «дурак».

Девушка, закончив петь, снова улыбнулась и подала гитару Эдьке.

— Ещё раз извините за импровизацию.

— Я такой песни ещё не слышал, — чистосердечно признался Эдька. — А вы хорошо поёте.

— Ну уж так уж, — смущённо улыбнулась она. — У вас лучше получается. Про отраду особенно. Наверное, раньше в ансамбле каком-нибудь пели? — Пел. Этак лет шесть-семь назад. В Доме культуры, на танцах, — вздохнул он. — Теперь не пою...

За окном вагона показались корпуса нового строящегося завода, железнодорожная горка по сортировке вагонов. Поезд въезжал в черту города.

— Как я рад, как я рад! Вот он, мой родимый град! — продекламировал на весь вагон Алька.

— Весёлый у вас друг, — сказала девушка.

— Брат, двоюродный, — внёс поправку Эдька и неожиданно для самого себя спросил: — А вас как зовут?

— Давайте не будем об этом, — тихо попросила она, — лучше простимся, как говорится, друзьями. — Хорошо, — легко согласился он, опять же совсем неожиданно для самого себя. — Только... Вопрос... Ещё один вопрос можно? Вернее, просьбу...

Она выжидающе посмотрела ему в глаза.

— Я сейчас выйду, а вы встаньте у окна, ладно?.. — сказал, смущаясь, Эдька.

— А это необходимо?

— Для меня да...

— Ну хорошо.

— Правда к окну подойдёте?

— А почему бы нет? Вам же нужно?

— Да.

Поезд сбавлял ход, за окном показалось двухэтажное здание вокзала.

— Эй, алле, тамэ на барже! На выход пора! — в проходе снова появился Алька.

— Да иду я! — бросил ему Эдька и снова повернулся к ней: — Счастливого пути, и с наступающим вас Новым годом.

— Спасибо, — поблагодарила девушка. — И вас с наступающим. Пусть сбудутся все ваши мечты.

— И ваши, — сказал Эдька и, резко повернувшись, пошёл к выходу.

Он рассеянно простился на перроне с попутчиками — игроками в домино, совсем не прореагировал на слова отделившегося от них дяди Пети, ушедшего ловить такси и наказавшего им с Алькой купить пива в привокзальном павильончике. И, не задумавшись, автоматически помог брату дотащить до газетного киоска совсем уже расклеившегося Михеича.

Не пришёл в себя он, и когда оказался перед ней, вернее, перед окном вагона, из которого смотрела она и, как всегда, улыбалась. Он жадно, словно стараясь запомнить каждую чёрточку её лица, впился в неё взглядом и смотрел, смотрел, смотрел. Он не видел и не хотел видеть, как вконец распахивавшийся Алька несколько раз выскакивал из очереди, матерясь на всех, и, ругая всё, подбегал к киоску и в очередной раз поднимал упавшего Михеича, а потом возвращался обратно. Не слышал и не хотел слышать, как окликал его дядя Петя, а потом, махнув рукой, пошёл к чуть тёплому Михеичу и, взяв того под руки, повёл через здание вокзала на стоянку такси.

Он не заметил, как тронулся поезд и как он сам, вначале медленно, а потом, по мере того как состав набирал скорость, всё быстрее и быстрее, пошёл, а затем побежал за ним. Он бежал на уровне окна и смотрел на неё. Она махала ему рукой, что-то кричала, но через стекло и стук вагонных колёс ничего нельзя было разобрать.

Его остановил Алька, снова выскочивший из очереди, на этот раз уже с пивом.

— Ты чё, совсем уже с ума рехнулся?

Алька держал его за рукав пальто. Следом, пыхтя, подбежал дядя Петя.

— Ну, мужики... Вы чего? Михеич того... Совсем уже это... Готовый... — задыхаясь, проговорил он. — Я его в тачку оформил... Пускай с нами едет... Проспится...

— Ну, пошли, что ли? — потянул Алька, казалось, уже успокоившегося Эдьку. — Батя тачку нанял... — Ага, пойдём, Эдуард, — поддержал сына дядя Петя.

Эдька достал из кармана пальто ключи, протянул дядьке.

— На, возьми, дед... И располагайтесь там... — сказал он.

— А ты? — спросил Алька.

— В аэропорт.

— К ней?! — догадался Алька. — Брось...

Алька схватил его за грудки и с силой потряхнул так, что в сетке зазвенели бутылки с пивом.

— Да одумайся ты, протрезвей, протри глаза. Кому ты нужен? Она-то вишь какая — королева... Одета с иголки. Поклонников, небось, человек сорок, не меньше, папа наверняка директор. На книжке тысяч десять. А ты? Кто есть ты? А?

Алька говорил резко, даже зло.

— Кто? Я тебя спрашиваю! Сантехник, слесарюга несчастный. Алиментщик. Утебя с получки через неделю хоть рубль остаётся? И что, что у тебя есть, кроме вот этого пальто с потёртым каракулевым воротником? Что, а?

— Душа есть... — тихо сказал Эдька.

— Пластилиновая у тебя душа, понял? — опять зло сплюнув, сказал Алька. — Я, думаешь, не слышал, как она над тобой издевалась? «Если клоун выйдет

плохо, назову его „дурак“». Про тебя, про пьяного клоуна, пела!

— Пойдём, Эдик, пойдём... — ласково позвал дядя Петя, взяв у Эдьки гитару. — Не бери в голову. Сегодня Новый год наступает. А мало ли что под Новый год случается? Я вот под него женился.

Эдька остыл и, увлекаемый дядей, пошёл к стоянке такси.

...Алька устроился рядом с водителем, Эдька с дядей Петей подсади с разных сторон к похрапывающему Михеичу. Едва отъехав от привокзальной площади, таксист включил радиоприёмник.

«А теперь послушайте в исполнении Татьяны и Сергея Никитиных песню на стихи Новеллы Матвеевой...»

«Щёлк» — словно счётчик такси, что-то переключилось в Эдькиной голове. Перед глазами возникло отчётливое румяное лицо, вязаная шапочка, коса через плечо, мягкий, даже нежный голос.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...

— Выключи! — крикнул Эдька и отмахнул видение рукой.

— Зачем? — удивился таксист. — Вполне подходящая симпатичная песенка.

— Выключи, тебе говорят! — раздражённо повторил Эдька. — Дядя Петя, дай ему червонец, пусть заткнётся!

— Каких только психов возить не приходится, — сказал сквозь зубы таксист, но радиоприёмник выключил.

Эдька уткнулся головой в переднее сиденье и попросил:

— Дядя Петя, скажи ему, что у меня есть душа.

— Есть, Эдик, есть, конечно. Как же без неё-то? Без души никак нельзя.

Алька молчал. Эдька поднял голову. За окном шёл снежок. Навстречу мчались автомобили, шли улыбающиеся пешеходы, уже живущие предстоящим торжеством. Улица, казалось, так и сияла улыбкой. Улыбкой светился и весь торопливый город, словно хотел своей торопливостью приблизить Новый год. У Эдьки отлегло от сердца, и уже предчувствие чего-то долгожданного и хорошего, готового вот-вот сбыться, наполняло душу. — Включи радио, шеф, — попросил он таксиста.

Тот молча щёлкнул тумблером, и салон наполнился музыкой и пением.

Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина,
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак... —

приятным голосом пела певица.

Если кукла выйдет плохо,

Назову её «дурёха»...

— Если клоун выйдет плохо, назову его «дурак!» — прокричал и Эдька и засмеялся.

Таксист и Алька повернулись к нему, Алька улыбнулся, а водитель многозначительно покачал головой.

А «Волга» мчалась по заснеженным улицам города, и Эдька мысленно рисовал портрет случайной попутчицы. На душе у него снова было легко и приятно. И ему вдруг так захотелось, чтобы эта дорога, и эта песня, и мысленно воссозданный портрет девушки никогда-никогда не кончались, не исчезали и не уходили из его жизни

Ни-ко-гда...

Доярка и Поэт

Поэт разбудил Люсю в шестом часу утра.

— Слушай, я вот тут новое стихотворение написал. «Ода передовику» называется.

Он поправил одной рукой взлохмаченную, уже седеющую шевелюру и, взяв в руки тетрадный листок, начал читать:

Свой личный план он выполнил давно,
Теперь уже в грядущей пятилетке.
Но всё равно, со всеми заодно,
Он чувствует дыханье каждой клетки.

— Чьё дыхание-то? — чисто символически спросила Люся, позёвывая и потягиваясь в постели. — Как чьё? Пятилетки, конечно! Нет, вернее, клетки! Непонятно разве? Отправлю, пожалуй, в нашу газетку. Сейчас запечатаю в конверт, а Виталька в школу пойдёт — сбросит на почте. Это должны напечатать.

Люся внимательно посмотрела на стоящего перед ней самостоятельного поэта, который день не бритого, в трусах и майке навывпуск, на его скрещённые голые и худые ноги и, отвернувшись, сказала: — Ты бы курятник отремонтировал... Скоро совсем рассыплется...

— Ну при чём тут курятник?! — вскричал возмущённый поэт, хватаясь обеими руками за голову. — Вечно пристанет с ерундой какой-нибудь. Тут ночами не спишь, душу ей изливаешь, а в ответ никакого понимания!

— Тише! Детей разбудишь! — вполголоса прикрикнула на него Люся, пряча голову под одеяло.

Поэт в сердцах махнул рукой, с шумом выдвинул из-за стола стул, тяжело уселся на него и, сделав не менее тяжёлый выдох, глубоко задумался.

Впервые поэт, работающий в деревне киномехаником, решил переступить порог редакции районной газеты три года назад.

В этот день с утра несколько раз, словно прицеливаясь, прошёлся он мимо небольшого

деревянного здания, где располагалась творческая обитель местного значения и где творили мастера художественного слова, изредка бросавшие луч света на события районного масштаба. Наконец, несмело открыв дверь редакции, поэт оказался в небольшом узком коридоре, по обеим сторонам которого располагалось несколько дверей и на табличках, имеющих на каждой двери, были указаны названия отделов. Поэт прошёл в самый конец коридора и, остановившись у двери с надписью «Редактор», попробовал её толкнуть. Дверь оказалась закрытой.

— Вам кого? — услышал он за спиной и повернулся.

Из двери напротив, где ещё минуту назад слышалось стрекотание пишущей машинки, вышла молодая симпатичная женщина.

— Мне бы этого... редактора... — проглотив слюну, выдавил из себя поэт. — Я стихи принёс.

— А его сейчас нет и, пожалуй, ещё целый час не будет, — сказала женщина — как догадался поэт, секретарша редактора.

— Ну тогда его зама могу увидеть? — более уверенно спросил поэт, вспомнив встречу с одним бывалым поэтом, изрядно поднаторевшим в редакциях районных и городских газет и знавшим не понаслышке всю структуру деятельности подобных издательств.

«В районах, брат, главное — редактор, Ну, на худой конец, зам. Остальные значения не имеют, — наставлял тогда бывалый поэт. — Найдёшь общий язык с шефом — тогда и пойдут в свет все твои баллады. А если не понравится ему, то меняй, как говорится, дислокацию... Не теряй попусту времени, иди в другую редакцию...»

Поэт случайно познакомился с бывалым, возвращаясь однажды из отпуска. Они ехали в одном вагоне, и поэт бывалый, с видом знатока перелистывая общую тетрадь со стихами поэта начинающего, безжалостно вычёркивал из неё строки и целые четверостишия, изредка кивая на стоящую между ними бутылку «Столичной», а потом всю ночь напролёт, под стук вагонных колёс и недовольное ворчание пассажиров, читал поэту свои описи, в которых фигурировали ведьмы и политические деятели разных времён, обнажённые ангелы и популярные киноактёры.

— А вы что, только на таком уровне ведёте беседы, — спросила секретарша, — не ниже? Другие сотрудники редакции, заведующие отделами, вам не подойдут?

— Да, только на таком, — уже уверенно ответил поэт, ещё раз вспомнив бывалого, и гордо поднял голову. — Либо с редактором, либо с его заместителем!

— Ну, раз так, ждите редактора. Заместитель сейчас в отпуске.

Редактор пришёл минут через сорок.

— Что там у вас? — спросил он, вежливо пригласив поэта в кабинет, и предложил ему стул напротив.

По возрасту они были примерно одногодками. — Да вот, стихотворение... — протянув тетрадный лист и усаживаясь на стул, сказал поэт.

— Одно? — снова спросил редактор.

— Пока одно.

Редактор развернул вчетверо сложенный слегка помятый листок, начал читать.

Жене Люсе посвящается

Звёздочки-глазинки,
Словно две снежинки,
На лету искрятся,
Мне ночами снятся.
Снится мне жемчужина
Невиданной красоты,
Тоненькие лучики
В капельках росы,
Поле золотое,
Песенны края...
Милая, родная,
Ты любовь моя!

— Ну как? — спросил поэт, когда редактор закончил чтение.

— Видите ли, поэзия... — начал было редактор, встав и выдвигаясь из-за стола.

— Нет, вы сразу скажите: годится или нет? — перебил его поэт. — Если нет, то я другое привезу или по почте вышлю. У меня их полно: две общих тетрадки по девятисто шесть листов...

Редактор на мгновение замер с открытым ртом, глаза его с удивлением разглядывали посетителя. — Ну так что, привозить? — вывел его из оцепенения поэт.

— Лучше пришлите почтой три-четыре стихотворения, а мы посмотрим. Может, какое и выберем.

С той поры поэт прислал, привёз или передал в редакцию попутно с кем-либо из односельчан более двухсот стихотворений. Однако ни одно из них пока не дошло до районного читателя. Но поэт не сдавался и не отчаивался. Почти каждую ночь он продолжал творить. Уверенности ему придал и такой факт: примерно года полтора назад один из его поэтических опусов был принят редколлекцией стеной газеты колхоза и провисел в правлении на самом видном месте месяцев восемь.

Иногда, когда ему казалось, что удавалось, наконец, найти нужную форму самовыражения, о которой однажды сказал ему редактор, поэт заявлялся в райцентр самолично и спешил к братьям по перу, ежедневно и настойчиво корпевшим над прозой.

Теперь, уже зная всех и каждого в отделе, поэт бесцеремонно входил в любой из отделов редакции и заводил разговор с сотрудниками с дальним прицелом, который обычно начинался с политики. По ходу разговора, вроде бы случайно, но в то же время настойчиво, он предлагал сотрудникам познакомиться с его очередным

поэтическим произведением. Сотрудники районного издания, в свою очередь, также не прерывая разговора, настойчиво старались не замечать нового произведения и пытались каждый раз склонить поэта к работе над произведениями прозаическими, в основном на узкую сельскохозяйственную тему. Поэт, однако, не собиравшись капитулировать и пускаться на хитрость: обещая подумать над их предложением, через недельку-другую появлялся с новым стихотворением.

Часы показывали за полночь, когда Люся, придя домой с вечерней дойки, управилась по хозяйству и зашла в дом.

Из спальни слышались мирное посапывание набегавшихся за день ребятишек и равномерное тиканье будильника. Переодевшись и умывшись в прихожей, Люся прошла на кухню, где горел свет и где, мучаясь над очередным четверостишием, сидел, как всегда, вздохмаченный поэт.

— Слушай, подскажи рифму на слово «слёзы», — попросил он её, не оборачиваясь.

— «Морозы», — почти сразу ответила Люся, разливая молоко в два бокала — себе и ему.

— «Морозы» не пойдёт. Нужно что-то более возвышенное, — проговорил поэт после минутной паузы, связанной с раздумьями, и машинально опустошил стакан. — Я уже и сам тут думал: «розы», «козы»... Всё не то.

— «Грёзы», — сказала Люся, потягиваясь. — Ты когда калитку наладишь? Зимой ещё поломали, так и стоит. И гуси, и куры, все, кому не лень, на двор бегут. — «Грёзы», говоришь?.. Ага, «грёзы»... Что-то в них есть, в «грёзах» этих... — забубнил поэт, склоняясь к столу ещё ниже.

Она уже засыпала, когда он легонько толкнул её в плечо.

— Ну что тебе? — недовольно отозвалась Люся.

— Слушай, по-моему, получилось как надо. И главное — короткое, как редактор говорил: «Краткость — сестра таланта».

— Чехов, — сказала Люся сонным голосом.

— Что Чехов? — не понял поэт.

— Не редактор твой вовсе, а Чехов сказал: «Краткость — сестра таланта».

— Мне редактор сказал...

— Ну ладно, читай быстрее, я спать хочу. Утром на дойку вставать рано надо...

Жизнь нас учит смеяться сквозь слёзы:
В январе хлынет дождь, в лето лягут снега.

Тают детства туманные грёзы,

И всё дальше надежд берега... —

с пафосом, на одном дыхании, продекламировал поэт.

— Это стихотворение всем стихотворениям моим — первейший стих! — сказал он затем не без гордости. — Это уж точно напечатает. Пусть попробует только не напечатать. Я мигом напишу в краевую журналистскую организацию, и в республиканскую тоже, да и в журнал «Журналист», пожалуй, копию пошлю... Пусть приедут, выяснят, чем они тут занимаются. Про передовиков им пиши. На корню таланты губят, потом говорят: мол, оскудела русская поэзия...

Люся не ответила. Поэт подошёл поближе. Поняв, что жена уснула, махнул рукой.

— Нет, это должны напечатать, — уверенно сказал он, возвращаясь на кухню. — Такой стих, по-моему, в районе никто ещё и не придумывал. Напечатает... Завтра же поеду сам в райцентр, покажу редактору.

Поэт выпил ещё один бокал молока, пробежался взглядом по ровно выведенным на белой бумаге строчкам, аккуратно свернул лист вдвое и с чувством исполненного долга лёг спать.